

Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 43–53.
Cherepovets State University Bulletin, 2021, no. 6 (105), pp. 43–53.

Научная статья
УДК 811.161.1
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-6-105-4>

Человек в языковой картине мира жителей Белозерья

Елена Николаевна Ильина

Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия,
filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Аннотация. Статья обобщает результаты изучения лексики тематической сферы «Человек» в говорах исторического Белозерья. В работе выявлены представления о человеке в языковой картине мира севернорусского крестьянина, связанные с восприятием тела человека, его физических данных, особенностей характера и поведения, социальных параметров и др.

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, говоры Вологодской области, севернорусский крестьянин

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского района Вологодской области)»).

Для цитирования: Ильина Е. Н. Человек в языковой картине мира жителей Белозерья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 43–53. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-6-105-4>.

A person in the language world picture of the Belozerye inhabitants

Elena N. Ilyina

Vologda State University,
Vologda, Russia,
filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Abstract. The article focuses on studying the vocabulary of the “Person” thematic group in the dialects of the historical region of Belozerye, reveals significant ideas about a person, a human body, his / her physical appearance, character, behavior, and social characteristics in the language world picture of the North Russian peasants.

Keywords: dialectal language picture of the world, Vologda region dialects, North Russian peasant

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR (Project No. 19-012-00542 (“The speech culture of Belozerye is in the focus of the dialect of one village (development of an electronic multimedia system by the materials of the dialect in the village of Borbushino, Kirillovsky district, Vologda region)”)).

For citation: Plyina E. N. A person in the language world picture of the Belozerye inhabitants. *Cherepovets State University Bulletin*, 2021, no. 6 (105), pp. 43–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-6-105-4>.

Введение

Экспедиционное обследование говоров Белозерья по программе «Лексического атласа русских народных говоров», начавшееся в 80-е годы XX века и продолжающееся до настоящего времени, позволило собрать обширный речевой материал тематической сферы «Человек». В данной статье результаты бесед с информантами систематизированы, во-первых, с точки зрения вербализации представлений о теле человека, его здоровье и болезни; во-вторых, на основании высказываний о семье и семейных отношениях; в-третьих, с точки зрения речевых характеристик человека, обусловленных его внешними особенностями и социальными параметрами.

Основная часть

Тело, народная медицина

На антропоцентрическом принципе, являющемся основой понимания мира, базируется системность восприятия человеческого тела, а через него – представление обо всем сущем¹. Анатомические названия в речи жителей Белозерья преимущественно относятся к числу общерусских (*горло, живот*), в том числе просторечных (*шкура* ‘кожаный покров человека’, *морда* ‘лицо’) и устаревших (*чело* ‘лоб’, *око* ‘глаз’) слов. С ними соседствуют диалектизмы различных типов: собственно лексические (*коковка* ‘темя’, *кукры* ‘плечевой пояс’), лексико-семантические (*пушка* ‘кончик пальца, его мягкая часть’), лексико-словообразовательные (*переносье* ‘переносица’), лексико-акцентологические (*спіна* ‘спина’), лексико-фонематические (*долонь* ‘ладонь’) и комплексные, совмещающие сразу несколько признаков (*плеча* (ж. р.) ‘плечо’ (ср. р.)); отмечены также местные устойчивые сочетания слов (*репный зуб* ‘молочный зуб’) и, наоборот, соответствующие устойчивым сочетаниям литературного языка производные диалектизмы (*радужница* ‘радужная оболочка глаза’). Обращает на себя внимание многочисленная эмоционально и экспрессивно окрашенная лексика, зафиксированная нами в ярком контекстуальном окружении. Это преимущественно названия, так или иначе связанные с головой человека: собственно голова (*Голова у дурака, экая черепеня!*), лицо (*Экую будку-то отожрал на маткиной-то шее! Ихних харь уж нагляделась досыта, пьяных!*), рот (*Ты-то уж подбери своё хлебало, уж кому-кому, а не тебе об ёй говорить!*), глаза (*Выставила свои зенки! Шары свои зальёт, бесстыжие, и ходит по деревне!*), нос (*Какая у тебя носопыря! С эким клювом-то уродилась, кто и взамуж возьмёт?*). К данной группе относятся наименования верхних и нижних конечностей (*Расставил свои копыта-то по всёй избе, ходи – запинайсь! Грязные-то лапы куда к еде тянешь? Клешни-то свои убери, не про тебя сделано!*), а также живота (*Брюшину-то отростила! Ненасытная утроба! Утробистый, полный живот*). Изучение семантических переносов в сфере сомати-

¹ Толстая С. М. Человек из теста // Русский язык в его функционировании. III Шмелевские чтения: тезисы докладов международной конференции (г. Москва, 22–24 февраля 1998 г.). Москва: Азбуковник, 1998. С. 99–100 и др.

ческой лексики (часть тела человека, животного и / или часть растения / хозяйственное приспособление или отличительная особенность предмета бытовой культуры: лапа, лапка, лицо, морда и др.) подтверждает вывод ученых о том, что «...человек эгоцентричен, он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию»¹.

В качестве нормы, не требующей речевой формы выражения, воспринимается состояние физического и душевного здоровья, обеспечивающее выполнение человеком всех его жизненных функций. Отклонения от этого состояния вербализуются с помощью общих характеристик (*болéзнь, недóг, нéмочь, хворь*), посредством описания симптоматики различных заболеваний, предполагающих именование больного органа как вместилища болезни (*хрeбтина ноет*), а также безличных (*поясину разломил*) и неопределенно-личных конструкций (*озычали, обурочили*), отражающих древние языческие представления о сущности болезни и причинах ее появления. Все названия болезней в исследуемых говорах можно разделить на пять групп: 1) наименования повальных болезней, эпидемий (*летуха, мор, перебируха, повертуха*); 2) наименования болезней, недомоганий и травм, явившихся следствием чьего-то злого умысла (*óзык, прикóс, сглáз, урóк*); 3) наименования болезней, сопровождающихся изменениями кожного покрова (*корóста, лишáй, очёс, почесúха, хрúны*), в том числе названия различных образований на коже (*булышка, кúлы, песьяк*) и инфекционных заболеваний, при которых на коже появляются высыпания, меняется ее цвет и т. д. (*вóспа, ветрúнка, золотúха*); 4) наименования болезненных состояний, сопровождающихся жаром и ознобом, различного рода лихорадок (*лихомáнка, трясу́чка, кумоха*); 5) наименования иных болезней, отразившие названия пораженных болезнью органов (*мáтошник* 'различные женские болезни', *цeрэво* 'понос'), причины появления (*мучным мешкóм хлестнён* 'слабоумие'), время проявления (*полунóчница* 'бессонница'), особенности симптоматики (*натúга, скреплéнье* 'запор'), эвфемистически выраженная отрицательная оценка заболевания ('сифилис': *худáя болéзнь, нéчисть*).

Разнообразны также названия лиц, оказывающих помощь при лечении болезней. Рядом с новообразованиями, появившимися под влиянием официальной медицины (*дóфтор, дóхтур, дохтурица, фёршал, фершелица, медик, медúчка, вóспенница*), существуют традиционные наименования. Среди них отмечаются производные существительные, внутренняя форма которых указывает на обладание особым знанием (*знатóк, знатúха, знáхарь, знáхарка*), в том числе отрицательного воздействия (*ворожéя, ворожбúнья*), умение облегчать боль заговорами (*зabáйда, шептún, пúхтальница, пухтáрка*), способность совершать различные манипуляции (*костопрáв*). В исследуемых источниках фиксируются общие наименования целительских способностей (*пúхтанье*) и средств лечения (*зéлье, зéльце, нáдобье*).

Изучение лексики и фразеологии народной медицины показало, что в анализируемых нами говорах по-прежнему сохраняются многие народные названия болезней и болезненных состояний, реализуются типичные модели описания их симптоматики,

¹ Гак В. Г. Языковые преобразования. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 702.

а также подробно описываются многие целительские манипуляции. Это свидетельствует о том, что лексика и фразеология данной семантической сферы продолжает играть значительную роль в формировании языковой картины мира сельских жителей.

Физические особенности человека, характеристика личности, социальные отношения

Диалектная языковая картина мира фиксирует внимание на тех свойствах человека, которые позволяют ему решать стоящие перед ним в различные периоды бытования биологические и социальные задачи: в речи наших информантов вербализуются идентификационные признаки фенотипа жителей данной местности (*Больше всё зелёные глаза, серые были, редко уж у кого чёрный глаз, смоляной; их обегали, опасались маленько*), показатели физического здоровья, определяющие возможность интенсивной трудовой деятельности (*Тятя сказал: раз ты, Нюра, у нас увечная, какая с тебя работница-то, поди-ко ты учишь – будет чем потом себя кормить*) и продолжения рода (*Дмитриевна-то, матка твоя, в деушках больно добра была: сама поставная, глаза-ти большіе, разговористая была. За Николая Семёнова вышла, да не пожилось – на войне погиб. Она потом за Гришу Корягина пошла, уж после войны, парней с им нажила, Кольку да Валерку. Ничего жили*). Как правило, свойства человека, воспринимаемые как эталон, вербализовывались более скупой суммированно (*ловкой, проворый, путний, черёдный*), обобщаясь в семантике слов, определяющих готовность личности к реализации какой-либо жизненной задачи (например, к вступлению в брак – *славутный, славутник, славутница*). Отклонения же от нормы получали в говоре весьма заметную оценку, вербализуемую лексемами, маркирующими особенности внешности человека: отличительные черты лица (*маслоглазый, носопыра, губан*), кожи (*шадрун, рябой*), волос (*кудряш, цыган*), телосложения (*долгой, сухостоина, мехряк, порной*). Сюда же относятся слова и устойчивые выражения, характеризующие состояние здоровья человека (*лытя, стамой, чахлун*), специфику его интеллектуального развития (*дурко, половина дурака*) и коммуникативно-речевой деятельности (*лявля, немко, разговористый*). В обобщенном виде отрицательные характеристики представлены в семантике существительных *зимогор* и *зимогорка*, а также прилагательных *нечерёдный* и *непутный*: *Зимогоры – а всё нечерёдно у них. В избу зайти брезготно, исти нечего. Она баба непутняя, Валентина, зимогорка*.

Специфика жизни крестьянской общины на русском Севере (в первую очередь необходимость выживания в суровых природных условиях) определяет коллективизм как одну из основополагающих ценностей сознания крестьянина. По этой причине особенностям поведения человека, ставящим под сомнение коллективную безопасность и не являющимся полезными для социума, в исследуемом говоре также дается яркая оценка: *самолюб* ‘эгоист’, *самоходка* ‘девушка, вышедшая замуж без благословения родителей’, и др.

«Настоящая» женщина

По наблюдениям ученых, занимающихся гендерной аксиологией, признаки проявления *женского* (по соотношению с *мужским*) обнаруживаются более отчетливо¹. Идеал женщины, несмотря на различия аксиологических доминант в разные временные периоды ее развития, так или иначе связан с биологической функцией продолжения рода и реализацией социальных ролей жены и матери. Так, позиционируя *девушку* как будущую невесту, диалектное слово *славутница* в своем значении обобщает все те свойства, которыми, по мнению социума, должна обладать будущая жена и мать: внешнюю привлекательность (*Поставная, ну, фигуристая, ловкая*), физическую выносливость (*Ой, сколь нахрястала боровков-то ты, девка, ой, молодец-то!*), приветливость (*Анна-то проворая: всё разъяснит, посоветует*), скромность (*Девки вы хорошие, незаносливые*), а также качества, определяющие готовность девушки выполнять всю «женскую» работу: трудолюбие, расторопность, аккуратность, сформированность навыков (*Трудящая семья: девки, пока работу всю не переделают, в клуб не пойдут. Расхожей называют бойкую да работницу*). Кроме того, при оценке девушки как потенциальной невесты принималось во внимание имущественное положение семьи и ее нравственные качества (*Мать у меня была словутницей. Это значит, от хороших родителей. Её, эту словутницу-то, все оберегали, пылинке не давали на неё упасть. Замуж выдавали не за лентяя, а за такого же словутника, работающего парня. Хоть она и словутницей была, но знала много. Деўка красивая да роботящая, пригожая – вот и славутница*). По соотношению с эталоном в исследуемом говоре маркировались излишняя худоба или полнота (*Ну ты и оглобля! Такой оглобле и парня не найти! Вот будешь конфеты ишь да преники, дак вырастешь трупёрда, как Таля гридинская, кто тебя замуж возьмёт?*), изнеженность (*Девку всю испотакали, куда годится!*), неподобающая вычурность внешнего вида (*Девка маскалится, жениха ищет*), развязность поведения (*Девкам-то наваливаться парням ведь не хорошо, стыдно это. Ну и наглядка, скажут!*). В характеристике представительницы женского пола основополагающими являются такие свойства, как статус замужней женщины (*Трудно будет неумёхе в замужье жить*), в особенности в первый год замужества (*Молодайка-то у меня больно работающая. Со своей молодлицой приехал Павлуха-то, дак мне не поглянулась*), умелой, трудолюбивой работницы, хорошей хозяйки (*В нашей деревне необрях не было, все женщины аккуратные. Шурка-то у меня – баба проворая, всё знает делать, у проворой-то любое дело кипит*), матери хорошо воспитанных детей (*С пятерым вываживалась, а не ойкнёшь. Все твои, тебе и подымять!*). Вербализуется состояние беременности женщины (*Она обрюхатела когда, дак к матке приехала*) и, наоборот, ее неспособность к продолжению рода (*Ялая она, не забрюхатела*). Маркируется вдовство (*Обе обвдовели рано: что Дмитриевна, что Нинка, ейна дочерь*), статус разведенной женщины (*С разведёнкой из города сошёлся, дак я ревела не знать как!*), а также невступление в брак (*Кто баёт, Нюрка в Ленинграде жила с каким-*

¹ Евтихьева Л. Ю. Ипостась женственности в традиционной культуре тамбовских крестьян (по материалам этнолингвистических экспедиций НМЦКА 1996–1999 годов) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004 / под редакцией А. С. Герда. Санкт-Петербург: Наука, 2004. С. 317.

то мужиком, а кто баёт – вековуха). Наиболее жесткую оценку в речи диалектоносителей получают распутство, супружеская неверность и рождение внебрачных детей (*Загула – дак принимает молодых парней у себя да пьёт ищѐ. Нагульшиа-то при- несѐшь, дак матке не больно приятно. Раньше это позор был*).

«Настоящий» мужчина

Характеристика мужчин в речи наших информантов в большей мере актуализи- ровала их социальные черты – положение в семье (*Большак, понятно, в доме муж, а жена – хозяйка*), а также профессию, род занятий (*Дедко твой в Преображенском полку был солдат*), имущественное состояние (*Мужа-то моѐго словутником назы- вали. А вот одного парня-то в семье и звали, да чтоб семья-то не бедная была*). Не- одобрительную характеристику в говоре получали мужчины, пришедшие жить по- сле свадьбы в дом жены (*У девки моей общежитие было от комбината, а он толь- ко из армии, в колхоз не поехали, домовѐнком у неѐ жил, а потом и квартиру получи- ли*), нарушающие супружескую верность (*А мужчина дак – шлюха, ой ты, шлюха, только знашь болтаться!*), разведенные (*Этот раззоридом и о детях не думает. Раньше разжѐнь-то не больно любили. С разведенцем-то не больно гулять матки одобряли, уж не парень – мужик*) и те, кто не вступал в брак (*Сосед-от мой – ста- рый парень, так и не женился*). Порицались бесхозяйственность (*Новые-то жильцы больно простят, денежки-то у них не задержатся, враз всё распатронят*), жесто- кость по отношению к домашним (*Зимогор Володька: как шары-ти зальѐт, дак Ан- тонину с робятам по деревне гонет*), сквернословие (*Нехороший он человек, ма- тюкун*) и склонность к злоупотреблению спиртными напитками (*Надрызгались, дак лошадь Изгореву прениками стали кормить, вот олухи-то!*). Одобрение в речи ин- формантов получали такие черты мужчины-хозяина, как физическая выносливость, трудолюбие и смекалка (*Ой, какой мужик тороватой! Трудяга, рабочий всегда луч- ше живѐт. Работающий человек, дак хрястается – только держись*).

«Правильный» ребенок

Наличие детей в семье являлось признаком ее биологической состоятельности и существенным условием выживаемости в будущем. В исследуемых нами говорах весьма многочисленны общие наименования детей с корнями *-дет-* / *-дет²* / *-дит²* (*деток, дитѐк, дитятко*), *-роб²* / *-реб²* (*ребятѐнок, робя, робѐнок*) и *-ма(л)-* в различ- ных его модификациях (*малюжечка, масик*). Дифференциация по половому призна- ку обозначалась лексемами с корнями *-дев-* (*девка, девчошко*) и *-пар-* (*парничок, парнишко*). В записях речи информантов биологический пол ребенка мог быть вы- ражен иносказательно: «*Детей называют ушатик или кадушечка, маленьких, не- больших. Ушатик – так мальчик, кадушечка – девочка. Вон сколько ушатиков наплодили, в народе говорят*» (И. П. Иванов, 1941 г. р., Кир. Плах., запись 2014 г.). Внутренняя форма наименований детей отражает их иерархию по возрасту внутри семьи (*Большуха у них Нина вроде, потом уж Галинка, да Вера, да Танька, а мень- шуха дак Любка, Ольгиной Гальке ровешница*), а также отношение к определенному возрастному периоду, обычно младенчеству (*Пеленишную тебя matka сюды привез- ла, дак с тех пор летами-то ты у баушки тут и жила*) или переходному подрост- ковому возрасту (*С недоростка-то что взять, вроде и большой, а ума-то ешио*

нету!), наличие в семье детей, рожденных в одно время (*У тёты Мани в Вологде девки были двойники*) или, наоборот, отсутствие у ребенка братьев и сестер (*Одиночка, дак форсится: всё исятко, чего ни попроси!*), обстоятельства рождения ребенка – физические (*Недоносыш маленько Павлуха-то. Последыша-то долго matka пестовала*) и особенно социальные (*Топерь и с нагулышам матки не осуждают, а раньше дак было – ой! Львовна-то Виюшке не родная дочка была, падчерка*). Маркируются также видимое со стороны сходство ребенка с кем-то из родителей (*Павлуха весь маткин, а ты дак батьковна!*), особенности внешнего облика (*Ольгины девки все в ту породу: волосы белыё, а у Галинки ишио и вьются маленько, как вон у батька*), физические характеристики (*Павлуха как мякишем рос, дак и сейчас, поди, толстой?*). Особо отмечались (по соотношению с физиологической нормой) избыточность и недостаточность роста (*Ну ты и жердина! Высоченный стал, а жиру не накопил!*), хилость и болезненность (*Дохлячком и рос, а как с армии-то пришёл, дак ахнули, какой парень!*), избыточная полнота и рыхлость ребенка (*Сидят с маткой, булку с мёдом охобачивают, дак обе вон какие поросихи!*). Чаще всего физическая развитость, опережающая интеллектуальное и эмоциональное взросление маленького человека, маркируется информантами в подростковом возрасте (*Вон наша-то кобылёха бегаёт, сама с себя большинская, а ума-то с нокоток!*). Многие наименования детей передают особенности их характера и поведения: специальные названия имеет плаксивый, капризный ребенок (*Ох, ты, Ленка, нявгунья – изведёшь хоть кого своим-то нявганьём!*), а также склонный к баловству и непослушанию (*С малолетства она у нас вертуха растёт*), разборчивый в еде (*Морная ты, девка, я с тобой тут упетаюсё!*), ленивый (*Галя вон угол белья перегадила, пока мы за малиной ходили, а Павлуха на сарае просидел, тетеря-то ленивая!*), не приученный к крестьянскому труду (*Белоручкой растёт, уж бабке с маткой не поможет ни на огороде, ни в избе!*), упрямый и непослушный (*Ты, Павлуха, неслух: пошто поганым ведром-то в колодец полез?*), отстающий в интеллектуальном развитии (*Сын-то у них лявля, второй год в третий класс ходит*). Многочисленные названия, отрицательно характеризующие ребенка, соседствуют с малочисленными, содержащими его положительную характеристику.

Семья, семейные отношения

В исследуемых нами говорах фиксируются общерусские и диалектные названия семьи (*Из всей семьи я один тут живу теперь. Порода-то у нас большая*) и совокупности кровных родственников (*Кровни-то я нашей почти не знаю. Сродня большая у нас. Вечор к нашим ходил*). Диалектная система терминов родства в целом характеризуется большей детальностью, разветвленностью и архаичностью¹ – наши материалы подтверждают это наблюдение: к типичному набору названий трехпоколенной семьи (*Дедко твой в Преображенском полку был солдат. Баушка моя Парасковья Наумовна из вепсов была. Тятю схоронили, дак у мамы ноги отнялись. Сыновей двоих вырастила да дочку. Как внука летом приидёт, весело в избе сразу. Зеть у меня – не похаю, работающий мужик! Невестка да свекровь не всегда ладом*

¹ Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Москва: Издательство АН СССР, 1959. 212 с. и др.

живут) присоединяются наименования родственников более отдаленных ступеней (*Правнук да правнука уж народились у старшой-то внучки. Прабабушка в Никольском Торжке похоронена*) и степеней родства (*Племяш да племяшка с Мончегорску приидут скоро. Настя-то тебе троюродница, поди, приходится? Дядья с братанами его сбивают водку-то жрать!*).

Крестьянская семья обычно включала в себя несколько поколений старших родственников (*Артили-то были большие: matka с батьком, да дети, да старики, да ещё, поди, кто навязался. Свёкор, свекровка – главные семейники, золовка, деверь. Мать, сестра тоже семейники*), а также сохраняла тесные взаимоотношения с многочисленными родственниками различных степеней родства (*Дочка у Зои замуж выходила, дак уж народу сколь намелось! Во дворе лавки ставили да столы. Matka да батька евонные да еённые, сестры, двоюродных да троюродных не сосчитать, да с зятьями, с невестками, да дети, да вон баушка чья-то приехала, в магазин днём приходила*). В исследуемом говоре отмечаются общерусские и диалектные названия мужа и жены как супругов (*У жены-то Толиной ещё до него сын, он с робёнком взял. Татьяна в лавку ушла, а сам-то с удочкам возится*), представителей биологического пола (*Какая это семья? Мужик которой год в тюрьме сидит, а баба от его шлеетсё*) и родителей общих детей (*Тятя да мама снятся часто. Всё будто зовут. Видно, помирать буду! Мамаша, Галина-то мать, пенсию получала семь рублей – она не работала, дома сидела, детей шестеро было, а Вася всё на работе*). Примечательно, что родителями в говоре называют не только отца и мать, но и всех родственников и даже знакомых, которые отошли в мир иной (*Родители – ну свои, родные, да и знакомые, кто помер, всех поминали. Мамка, тятя – всё родители, и которы-те баушка, ишишо кто – всё родителям звали*). Здесь, по-видимому, в речи находит отражение обычай почитания предков, в целом свойственный славянской духовной традиции¹.

Термины родства иллюстрируют семейную иерархию: в первую очередь главенство в доме хозяина и хозяйки (*Сам да сама, да детки ихние. Отец уж дак хозяин, его главной слово. Сама обряжается. А детки подрастут, парни женятся, девки замуж выйдут, дак обряжаться, поди, сначала matka станёт, а отселются, дак уж молодая, уже она хозяйка*). Весьма важным для крестьянской семьи было также ранжирование детей по старшинству (*Большой брат, ещё Петька, Офонька, Дмитрий и девки – семеро нас у тяти с мамой было*). Особенно обращает на себя внимание характеристика старшей сестры, как правило, присматривавшей за младшими детьми, воспитывавшей их (*В няньках-то Нюрка дома не посидела: Виюшка всё мёртвых деток рожала. Даки подросла – в Ленинград в няньки свезли, в войну уж оттель вернулась*). Важную роль в воспитании ребенка выполняли старшие родственники по прямой линии (*Хорошо, что у кого из детей бабушка или дедушка. Они как-то ещё смотрят и наставляют и словом, и ремнём*). Кроме общерусских названий носители говора используют их просторечные и диалектные модификаты (*Дедко твой ловко сказки сказывал. Дедан нас строго держал. Бабу-ту они свою*

¹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под редакцией Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). С. 249–252; 448–450.

заездили совсем. Бабака добрая была, всёгды приласкаёт. Баушкины-то трудодни так и сгорели, ничего на их не дали. Пробабку мою все почитали. С прабаушкой сидела, не с кем больше было. Пробабкины рассказы нас больно пугали). Особое место среди наименований старших взрослых занимают крестные родители. Ими, как правило, становились тетя и / или дядя по отцовской и материнской линии (*Крёстная у меня была Валентина Алексеевна, материна сестра, мать Фурина-то Коли. Она приходила часто в деревню и приносила нам, детям, гостинцы. Если пришла тётя Валя, то у нас радость и праздник*). Внутренняя форма наименований крестных родителей и детей эксплицирует идею их духовного родства, скрепленного христианским каноном: *Бог* – ср.: *божа, божка, божата, божатка, божат, божатко, боженька*; *крест* – ср.: *крёстка, хрёстная, хрёстный, хрестник, хрестница*.

Нормативная модель семьи, включающая мать, отца и их совместных детей, отторгала наличие чужеродных элементов – детей от предыдущих браков, а также осиротевших родственников, по отношению к которым взрослые становились неродными родителями¹. Характеристика таких взрослых представлена во многих рассказах информантов, она объединяет в себе и отчужденность по отношению к этим людям (*Не больно Нюрке-то Леушковой жилось, как матка-то умерла. Виюшка пришла, дак гонела её. Знатьё бы, что с Нюркой век своей доживать будёт!*), и благодарность за воспитание (*Отца-то я и не видала – с фронту он и не пришёл, дак я Гришу-то Корягина папой звала. Он мне хоть и неродной, отчим, а как отец был хороший*). По соотношению с нормативной моделью семьи маркировалось отсутствие одного из родителей вследствие расторжения брака (*С разведенцем сошлась уж под старость*), особенно неодобрительно характеризовалось появление внебрачных детей (*Беспутая она, в девках нагуляла. Зимогоры растут, оба у ёй нагулыши, от кого и принесла?*). По соотношению со взрослыми людьми, имеющими детей, в говорах маркировались бездетные взрослые – бесплодные в браке (*Детей-то я не крестила, яловая я*) или по каким-либо причинам не вступавшие в брачные отношения (*Старых девок вековухами да перестарками называли со злости: сначала родители кормят, потом братовья с семьями. Ей-то деваться некуда, так и живёт. Не больно-то хорошо*).

Таким образом, условия бытия крестьянской патриархальной семьи и сельской общины способствовали сохранению долговременных и прочных связей между поколениями одной семьи, вовлечению в «свой» круг большого количества людей. Материал исследуемых нами говоров дает возможность так или иначе охарактеризовать эталон семьи с позиции крестьянского сознания. Это разветвленная система кровного родства, отличающаяся явно выраженной жизнеспособностью по своим физиологическим, социально-экономическим и культурно-нравственным характеристикам, устойчивая к переменам, способная к физическому воспроизводству и социокультурной адаптации новых поколений.

¹ Угрюмова М. М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья: дис. ... канд. филол. наук. Томск: [б. и.], 2014. С. 98.

Выводы

Образно определяя специфику крестьянского языкового сознания, вологодский писатель Василий Белов говорит о *ладе*¹, именуя этим словом соразмерность и сообразность всего сущего: и смену времен года, влияющую на цикличность трудовой деятельности человека, и различные временные периоды в жизни личности, определяющие физиологическую специфику ее тела, особенности характера, поведения и систему социальных ролей. «Соразмерность и сообразность» в характеристике человека как жителя деревни обуславливается типологическими свойствами диалектной языковой картины мира: ее *практический характер* проявляется в том, что вербализуются те фрагменты действительности, которые связаны с биологическим выживанием человека в определенных природных условиях и с его социальной адаптацией в конкретной социально-экономической и культурной среде; *традиционность* влияет на сохранение в языке многих архаических представлений о действительности, а *экспрессивность* проявляется в использовании носителями говора лексики, обладающей яркой, «говорящей» внутренней формой, богатого арсенала устойчивых выражений и различных средств художественной выразительности (эпитетов, метафор, сравнений, устойчивых выражений и проч.).

Список источников

- Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике. Москва: Молодая гвардия, 1982. 293 с.
- Гак В. Г. Языковые преобразования. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
- Евтихиева Л. Ю. Ипостась женственности в традиционной культуре тамбовских крестьян (по материалам этнолингвистических экспедиций НМЦКА 1996–1999 годов) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004 / под редакцией А. С. Герда. Санкт-Петербург: Наука, 2004. С. 316–328.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под редакцией Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995–2012.
- Толстая С. М. Человек из теста // Русский язык в его функционировании. III Шмелевские чтения: тезисы докладов международной конференции (г. Москва, 22–24 февраля 1998 г.). Москва: Азбуковник, 1998. С. 99–100.
- Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Москва: Издательство АН СССР, 1959. 212 с.
- Угрюмова М. М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья: дис. ... канд. филол. наук. Томск: [б. и.], 2014. 164 с.

References

- Belov V. I. *Lad: Oчерki o narodnoi estetike* [Harmony: Essays on folk aesthetics]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1982. 293 p.
- Gak V. G. *Iazykovye preobrazovaniia* [Language transformations]. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury", 1998. 768 p.
- Evtikhieva L. Iu. *Ipostas' zhenstvennosti v traditsionnoi kul'ture tambovskikh krest'ian* (po materialam etnolingvisticheskikh ekspeditsii NMTsKA 1996–1999 godov) [Hypostasis of femininity

¹ Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике. Москва: Молодая гвардия, 1982. 293 с.

in the traditional culture of Tambov peasants (by the materials of the (NMTsKA) ethnolinguistic expeditions in 1996–1999)]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) 2001–2004* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies) 2001–2004; ed. by A. S. Gerd]. St Petersburg: Nauka, 2004, pp. 316–328.

Slavianskie drevnosti: Etimologicheskii slovar': v 5 t. [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary; ed. by N. I. Tolstoi]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995–2012.

Tolstaia S. M. Chelovek iz testa [Person from dough]. *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii. III Shmelevskie chteniia: tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii (g. Moskva, 22–24 fevralia 1998 g.)* [The Russian language in its functioning. III Shmelev readings: proceedings of the International conference (Moscow, February 22–24, 1998)]. Moscow: Azbukovnik, 1998, pp. 99–100.

Trubachev O. N. *Istoriia slavianskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroia* [The history of Slavic kinship terms and some oldest terms of social system]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. 212 p.

Ugriumova M. M. *Lingvokulturologicheskii portret rebenka v govorakh Srednego Priob'ia* [Linguoculturological portrait of a child in the dialects of the Middle Ob: Cand. thesis in Philological Sciences]. Tomsk, 2014. 164 p.

Сведения об авторах

Елена Николаевна Ильина – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>, filfak@list.ru, Вологодский государственный университет (д. 15, ул. Ленина, 160000 г. Вологда, Россия); **Elena N. Pyina** – Doctor of Philological Sciences, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>, filfak@list.ru, Vologda State University (15, ul. Lenina, 160000 Vologda, Russia).

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 08.11.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 12.10.2021; Approved after reviewing 08.11.2021; Accepted for publication 15.11.2021.